

12 февраля 1969 года

УРАЛЬСКИ

КАЗАЛОСЬ бы, у нее есть все: известность и уважение, ведущее положение в театре, рецензии в «толстых» театральных журналах, звание народной артистки республики, — первой из артистов балета в нашем городе она получила столь высокое звание. А говорит она о хореографии, театре и его проблемах, о своей работе не просто взволнованно, а как-то мучительно горячо. Как говорят лишь о самом кровном, о самом главном в жизни.

Десять лет назад свердловчане «открыли» Нину Меновщикovu. Машенька в балете П. И. Чайковского «Щелкунчик» была не просто удачей, а заманчивым обещанием, заявкой на будущее мастерство, если, конечно, и природным данным годы и труд сумеют прибавить техническую уверенность, блеск виртуозности, к светлой поэтичности — богатство человеческой содержательности.

И актриса не обманула. Сегодня понятие свердловской балетной сцены неотделимо от имени Меновщиковой. Живут здесь ее Одетта и Аврора, Жизель и Сольвейг, Анна и Китри, Барышня и Паскуала...

Условия работы в периферийном театре ставят перед артистом балета ряд непереносимых условий. Одно из них — своеобразный универсализм, необходи-

мость танцевать партии самого разного плана. Если в первые годы самостоятельной творческой работы Меновщиковой можно было легко предсказать судьбу лирической танцовщицы (предопределяли это и внешняя хрупкость балерины, и какая-то по-девичьи трогательная незащищенность на сцене), то ныне — это мастер.

О каком бы создании Меновщиковой ни шла речь, везде подкупает единство танцевального и драматического, везде — одухотворенность и экспрессия танца продиктованы и оправданы переживаниями ее героини. Отсюда — внутренняя, убеждающая сила созданий балерины, отсюда — особое свойство индивидуальности Меновщиковой, определяющее ее исполнительский стиль. Отточенность мастерства сочетается в нем с поэзией чувств, грация техники с грацией переживаний.

Внешняя импровизационность искусства актрисы глубоко продумана. Не обладая поражающими с первого взгляда, броскими, яркими данными, она рано поняла это с завидной объективностью сумела оценить и взвесить свои сильные и слабые стороны, а главное — преданно поверить в классический танец, его возможности. Только умной, кропотливейшей работой можно добиться такой ясности прозрачной завершенности танцевального рисунка.

В спектакле вы можете «не заметить» техники балерины, она болезненно боится внешней, эффектной нарочитости танца. Все, весь богатый арсенал классической хореографии подчинены тщательной психологической детализации образа. А ведущим началом для Меновщиковой в любом произведении служит музыка. Очень музыкальная, Нина чутко воспринимает замысел композитора, в музыкальной ткани отыскивая полутона, тончайшие нюансы.

Аврора в «Спящей красавице» особенно привлекательна в первом выходе, в адажио с кавалерами, где так полно и осязательно звучит тема вечной красоты юности, трепетного ожидания счастья. Слабее она в последнем дивертисментном акте. Не потому, что Меновщикова плохо танцует, нет, но здесь все уже сказано, актрисе нечего доба-

● Портреты мастеров искусств

ГЛАВНОЕ В ЖИЗНИ

вить к сказке времен о спящей красавице.

Жизель Меновщиковой создана в традициях Галины Улановой. Есть в ее исполнении эфирность и невесомость, так необходимые в этой старинной классической партии. Но поражает огромная боль от несостоявшейся человеческой судьбы.

Интересно, как со временем эта работа приобретала внутреннюю цельность, элизод сплетался с эпизодом, сложные вариации органично вытекали из дуэтов. Ныне Жизель напоминает произведение симфонической музыки — великой простотой настоящего искусства, многозначностью образов. Каждый услышит здесь что-то свое, потаенное, повествующее об истинах вечных, никогда не стареющих и потому прекрасных.

В Свердловске не все приняли Эгину — Меновщикovu в «Спартаке» Хачатуряна. Маленькая, изящная, она была вне канонов, вне правил, столь непривычными казались внешние приемы, «мазки», из которых как бы заранее складывается облик куртизанки в зрительском представлении. Но проходило первое впечатление, и актриса удивляла «не балетной» разработанностью характера, умением гиперболизировать, заострять существенное.

Труднейшая вариация Эгины в последнем акте, нам кажется, до сих пор — один из лучших номеров спектакля. Как она хороша, эта рыжеволосая хищница с кошачьей грацией и как отвратительна в своей злобной мстительности, ненависти ко всему, что стоит на ее пути!

Казалось бы, сегодня у Меновщиковой есть все: Машенька стала Одеттой. А стало ли легче? Думается, порою, постоянный самоанализ, самопроверка даже мешают Нине, иногда принимают эмоциональное начало в спектаклях. Она словно поглядывает на себя со стороны, как наблюдатель, как самый строгий, самый требовательный судья...

Актриса думает, ищет, мечтает. О партиях, где удастся сказать что-то свое, первое, единственное... Желание естественное, заслуженное. Желание человека искусства в расцвете духовных, творческих, гражданских сил.

Часами она может говорить о последних работах советского балета, о том, что: «Вы знаете, не успела последний раз в Москве посмотреть «Спартак» в Большом — пора было улетать», о том, как поразила Нина Тимофеева в «Жизели», о посещении Третьяковки... И понимаешь, что это не просто накопление материала, бесстрастный интерес. Это то, что помогает творить, сопоставлять, ассоциировать с собственными работами. Быть человеком, умеющим видеть горизонты искусства, не замыкаться в узких рамках своей нелегкой профессии.

Ей есть что сказать, надо только успеть сказать. И эта мечта вызвана не тщеславием: народная артистка республики Нина Меновщикова сегодня признается, что почти никогда не испытывает удовлетворения после своих спектаклей. Да, искусство бесопладно. Оно не довольствуется благодушной симпатией. С ним нельзя кокетничать. И если ждешь от него любви, приходится самому целиком отдать сердце.

А. ЛАПИНА.

На снимке: Н. МЕНОВЩИКОВА.

Фото А. Нагибина.